

Столяров Ю.Н.

Теоретические основы Закона об обязательном экземпляре

Разработка проекта Закона об обязательном экземпляре — факт незаурядный для нашего общества и для законотворческой деятельности. Он сулит нашим крупным библиотекам большие надежды в деле упорядочения системы документоснабжения. В нем наконец-то предусмотрена доставка не только произведений печати, но и всех других видов и разновидностей документов, регламентирован перечень получателей и т. д.

Вместе с тем в нем продуманы еще далеко не все ключевые моменты, и лучше подождать с его представлением в Верховный Совет Российской Федерации, чем принимать в недоработанном виде. Наиболее существенными представляются следующие вопросы.

Бесплатный?

Платный?

Деление обязательного экземпляра на бесплатный и платный — чисто советское в своей основе. Что значит — бесплатный обязательный экземпляр? Для одних — библиотек — он может быть и бесплатный, зато другие — авторы,

издатели, связисты платят за него из нашего с вами кармана: дополнительные расходы закладываются в цену и взимаются с налогоплательщиков либо покупателей.

Попробуем вдуматься в словосочетание "бесплатный обязательный" с нравственной точки зрения. Бесплатный, т. е. ничего не стоящий, ненужный, бросовый. Можно его посылать, а можно и нет. Можно получать (отчего не получить бесплатно?), но в фонд включать с большим отбором. Всякой там "нулевкой" (термин-то каков?!) незачем засорять фонд — и без того места нет. И иногда включают в фонд менее половины получаемого бесплатного обязательного экземпляра.

Бесплатный-то он бесплатный, но обязательный. Вот ведь незадача. Нужен — не нужен, а бери. Обязали. Навязали. Приказали. А свобода где, демократия? За что боролись?

Может, выражение "платный обязательный" нравственнее? Посмотрим. Платный — это понятно. Это серьезно. Это надо денежки тратить. А мы еще только-только учимся их считать. Они в руках у нас тают. Тут думать и думать — купить или нет? Ан нет — обязательно купить! А по какой цене? По какой скажут. Вас не спрашивают, обязаны платить — и все тут.

А если я издатель, по какой цене я должен продавать платный экземпляр? Если по той, что назначит покупатель, я буду искать сто леззек, чтобы этот Закон не исполнять. А если плату назначаю я сам — тогда другое дело! Платный обязательный экземпляр начинается с тиража 500 экземпляров. Издам-ка я 501, один подарю автору, а 500 продам государству по такой цене, что мировой аукцион в Сотби надолго потеряет дар речи. А государство пусть перепродает библиотекам, с наценкой или со скидкой — это его, а не мое, издателя, дело.

Идея обязательного экземпляра, который доставлялся бы библиотекам без каких-либо условий и оговорок, т. е. предельно оперативно, безвозвратно, беспошлинно и бесплатно — должна быть реализована безусловно. Несомненно, от нее веет абсолютизмом.

Исторически так оно и есть, начало действия обязательного экземпляра относится к XVI в. и связано с именем французского короля Франциска I. Но эта идея оказалась столь счастливой, что отлично реализует себя в странах с разным политическим режимом, включая самые демократические формы правления. Акцент всегда и везде делается на одном единственном слове — обязательный. Обязательный — и точка или даже восклицательный знак. Обязательный для всех равно — для издателей, для связи, для библиотек — для всех! Обязательный — и никаких разговоров. Как это — не посылать, не дослать или не включить в фонд то, что обязательно?! Это нелегально, и всякое наказание за это воспринимается как справедливое, как акт гуманности перед

собственным народом, другими народами, будущими поколениями. Как можно нарушить то, что обязательно?! Это же на грани святотатства!

Иное дело — так называемый платный обязательный экземпляр. Он возник в нашей стране (в других странах его не было и нет) в 1931 г. как типичное порождение бюрократической системы. Никого не интересовало, насколько экономична практика принудительного изъятия издающимися организациями части (подчас доброй половины) тиража и его почти механической разверстки по жестко определенной номенклатуре библиотек, получавших при этом значительную часть не то чтобы непрофильной, но все же ненужной литературы. При всех недостатках этот порядок хорошо вписывался в беспорядочную командную систему, многие библиотеки стремились попасть в заветный список получателей, тем более что понятие платности — такое же условное, как и бесплатности: в обоих случаях оплата шла из государственного бюджета.

Различия между бесплатным и платным обязательными экземплярами заключались в том, что первый предоставлялся оперативно и полно, но весьма ограниченному кругу организаций (10—20), а второй распространялся на несколько сотен, но был менее полон и приходил зачастую позднее, чем идентичные издания из книжной торговли.

Изменившиеся условия хозяйствования полностью отторгают платный обязательный экземпляр. Нужно искать новые формы гарантированного документоснабжения библиотек, в основе которых лежало бы не принуждение, а взаимная экономическая заинтересованность. Не углубляясь в предложения по этому поводу, замечу только, что из проекта Закона надо исключить все относящееся к платному обязательному экземпляру. Эта часть Закона, даже будучи принятой, работать не будет, не помогут никакие санкции. При ее повсеместном и постоянном нарушении возрастут злоупотребления, а при неукоснительном соблюдении — будет парализована система документоиздания.

Исключение из проекта Закона позиций, касающихся платного обязательного экземпляра, значительно упростит его доработку и поведет творческую мысль по новому пути — на поиски способов документоснабжения, соответствующих современной экономической ситуации.

Некое подобие существующей практики, возможно, и следует сохранить, поставив ее на фина. сово-льготную, а не законодательно-отчуждающую основу.

Документ или публикация?

К достоинству нового проекта следует отнести предложение распространить принцип обязательного экземпляра не только на произведения печати, но и на другие виды документов. Однако термин "документ" стал обиходным лишь

в научно-информационной, библиографической и частично библиотечной сфере. Книгоиздатели, книготорговцы, связисты и книговеды воспринимают его как инородный; архивисты широко пользуются одним из его значений — юридическим. Некоторые специалисты предлагают заменить термин "документ" на более понятный и привычный тем, кто производит и рассылает обязательный экземпляр, — термин "публикация". Но, во-первых, публикация — это не только результат, но и процесс, так что каждый раз надо оговаривать, какой смысл имеется в виду при употреблении этого слова. Во-вторых, этот термин совершенно неприемлем для обозначения неопубликованных документов. В-третьих, от термина "публикация" трудно создавать производные: от "документа" — "документалистика", а от "публикации" — "публикастика"? "публицистика"? Термин "документоведение" при некоторой громоздкости все же более или менее приемлем, а как быть с термином "публикацисведение"?

На наш взгляд, сегодня замены термину "документ" нет. А чтобы сохранить термин "публикация" ввиду его достоинств, можно разделить документы по признаку тиражируемости на опубликованные (публикации) и неопубликованные. При этом понятие "документ" должно быть определено возможно более точно. Пока что до этого далеко. В проекте записано: "Документ — зафиксированная любым способом (в виде текста, звука, изображения и т. д.) и на любом носителе информация, предназначенная для открытого распространения". Документ здесь приравнивается в конечном счете к информации. Однако он представляет собой единство информации и материального носителя. При этом имеется в виду не любая информация, а лишь созданная человеческим разумом.

Оговорок требуют и другие существенные компоненты определения. Считать звук или изображение способом записи информации явно неприемлемо: звук — это и есть сама информация, форма ее проявления. Понятие "любой носитель" — слишком широкое. В этом случае документом можно считать картину, надпись на памятнике или на заборе. На понятие носителя информации необходимо наложить ряд ограничений: он может быть только вещественным, а не энергетическим. Например, мировой эфир, по которому распространяются радиоволны — материальный носитель информации, но в виде волн она не является объектом обязательного экземпляра. Та же информация, зафиксированная на некотором вещественном носителе, специально созданном для этой цели, предстанет в виде, удобном для тиражирования и передачи части этого тиража как обязательного экземпляра.

Сомнительна и концовка рассматриваемого определения: "... предназначенная для открытого распространения". Если некое ведомство производит конфиденциальные документы, они должны войти в состав ведомственного

обязательного экземпляра, иначе обеспечить полноту обязательного экземпляра в целом, т. е. создать его систему, не удастся. Вероятно, это обстоятельство продумано разработчиками проекта недостаточно, поэтому о ведомственном обязательном экземпляре имеется лишь единичное упоминание, тогда как он достоин отдельной статьи, если не главы Закона.

Над понятием "документ" надо еще поработать. Можно порекомендовать воспользоваться соответствующим разделом недавно вышедшего учебника "Библиотечный фонд" (М.: Книжная палата, 1991), где сделана попытка дать более строгое определение этого исходного понятия.

И это классификация? Следующий серьезный вопрос связан с классификацией документов, служащей основой для распределения обязательного экземпляра по получателям. Разработчики стремились собрать воедино все достижения отечественной и мировой науки по этой части, но надо прямо сказать, что не преуспели в этом, хотя и не по своей вине. Этот кардинальный вопрос еще не нашел удовлетворительного решения в международной теории, поскольку им никто всерьез не занимается: книговедов интересует типология только печатных изданий, документоведы интересуются отдельными видами документа.

Предложенная в проекте классификация видов документов, входящих в состав обязательного экземпляра, характеризуется пересечением признаков деления, некорректностью самих этих признаков. Вот несколько примеров.

Первый ряд (перечень видов документов, входящих в состав обязательного экземпляра) в проекте Закона наравне с текстовыми и изобразительными включает листовые издания. А если на листе зафиксирован текст и (или) изображение? Как же можно ставить их в один ряд?

Текстовые издания делятся разработчиками на непериодические, периодические и продолжающиеся. А другие виды документов разве не подпадают под этот признак деления? И что это за признак? Периодические и непериодические издания выделяются по признаку регулярности выхода в свет, а продолжающиеся — по признаку кратности издания. С этой точки зрения все периодические издания — продолжающиеся. По признаку регулярности периодическим и непериодическим противостоят спорадические издания (выходящие в свет с нерегулярной периодичностью, от случая к случаю).

Критический анализ классификации можно продолжать и дальше, но приведенных примеров достаточно, чтобы сделать вывод: в классификации необходимо соблюдать требование единства деления и непересекаемости различных признаков. Для этого в число разработчиков или консультантов, экспертов и т. п. необходимо ввести специалистов по данному вопросу.

В чьих интересах Закон?

Заложенная в проект идея о том, что бесплатный обязательный экземпляр должен представлять собой распределенную в пространстве систему, в принципе очень рациональна. Однако детально продуман лишь порядок информирования об обязательном экземпляре, а гарантии и технология обеспечения доступа к нему лишь обозначены. По-видимому, следует установить правило, в соответствии с которым национальные фондодержатели не из числа библиотек (ВИНИТИ, ИНИОН, ВНИТЦентр и др.) обязаны предоставлять библиотекам копии получаемых документов на взаимовыгодных условиях.

Здесь неизбежны ограничения, но все они должны быть тщательно оговорены, и если будут поначалу предусмотрены не все, надо упредить законодателя, что в эту статью Закона, по всей видимости, понадобится оперативно вносить изменения.

Например, Госфильмофонд России будет получать обязательный экземпляр художественных фильмов, Российский государственный архив звукозаписей — фонодокументы и еще почему-то диски лазерно-оптической записи, хотя на них может быть записана какая угодно информация, а не только звуковая. (Здесь тоже сказывается важность научной типологии документа.) Библиотекам же в основном придется довольствоваться, как и сейчас, печатными изданиями, т. е. их консервативность с точки зрения включаемых в фонд видов документов предлагается закрепить на законодательном уровне!

В проекте предполагается, что все виды документов будут доступны любому жителю страны, но без детальной проработки этот постулат выглядит не более чем декларацией. И останется ею, если механизм доступности не будет четко оговорен в Законе. При этом надо понимать, что общедоступности тут быть не может, по крайней мере к ведомственному экземпляру, ряду документов, выполняющих коммерческую функцию (кинофильмы, видеофильмы и др.). Нужно продумать условия, не ущемляющие основные права как пользователей, так и владельцев документов.

Что за система?

“Под системой обязательного экземпляра понимается сочетание различных его видов: бесплатный, платный, а также установленный порядок их собирания, распределения и использования”. Таково представление разработчиков о сути этой системы, но думается, что акценты здесь не вполне точны. Под системой обязательного экземпляра правильнее понимать порядок отчуждения у издателей части тиража и гарантированную форму обеспечения строго определенных библиотек, архивов и, возможно, других фондодержателей всеми без исключения видами выходящих в свет документов, а также порядок их предоставления пользователям. Тогда окажется, что эта система организационно распределена

в пространстве и каждая ее часть (подсистема) выполняет специфическую функцию. Между подсистемами необходима координация — возникает вопрос об оптимальной степени дублирования обязательного экземпляра, особых условиях взаимопользования и пр. Ничего этого в проекте Закона нет, предусмотрена всего лишь почти механическая разверстка обязательного экземпляра.

В проекте обойден вопрос о ведомственном обязательном экземпляре. Почему — понятно: предмет обязательного экземпляра, как он понимается сейчас законодателем, — документы неограниченного пользования. Но неужели конфиденциальные документы не нуждаются в государственной гарантии их сохранности? Куда они пойдут, когда будут рассекречены? Где гарантия, что попадут в библиотеки?

Если кинофотофондодокументы посылаются в 1—3-летнем возрасте, то книги — сразу после выхода в свет. Почему эти виды документов не уравниены в правах? Если потому, что фильмы имеют коммерческую ценность, то ведь и многие книги — тоже! И где гарантия получения фондом фильма трехлетней давности?

Предлагаемый Закон должен быть согласован с текстом и сутью Закона о национальных библиотеках. Например, в вопросе о паранациональных библиотеках. Рассматриваемый проект придает фондодержателям обязательного экземпляра статус национальных фондов. Но ведь библиотеки, содержащие национальные фонды, суть национальные библиотеки. И что же дальше? А знает ли правая рука законодателя, что делает левая?

Хотелось бы отметить необходимость улучшенного технического исполнения изданий, предназначенных для обязательного экземпляра. В ряде зарубежных стран экземпляры, идущие на вечное хранение (1—3), специально печатаются на бумаге высшего качества.

Как доставлять?

В настоящее время обязательный экземпляр доставляется обычным порядком, как любые другие гражданские почтовые отправления. Это приводит к различного рода недоразумениям и даже злоупотреблениям на пути обязательного экземпляра в библиотеки и другие фондодержатели.

Исходя из того, что все процессы, связанные с функционированием обязательного экземпляра, имеют государственную важность, он должен доставляться специальной правительственной почтой, что обеспечит оперативность поступления и полную сохранность.

Таковы наиболее существенные теоретические вопросы, которые должны быть решены до принятия Закона об обязательном экземпляре.